

Её сухонькую, чуть сгорбленную фигурку часто можно видеть спешащей на автобус рейса Спасск – Таштагол. Торопливый шаг, неизменная «бабушкина» сумка – гостинцы со своего огорода живущим в городской квартире дочери и внуку. Остриженные под комсомолку тридцатых годов седоватые волосы убраны сзади под круглую с выкрошившимися зубьями гребёнку – новую теперь не достать, не делают такие. Свыкшиеся со всем в жизни, но не потухшие карие глаза отгорожены от мирской суеты тяжёлыми на вид, в толстой чёрной оправе очками. В них и с этой причёской, вечно куда-то устремлённая, она напоминает мне маленького деловитого галчонка.

А недавно мы с ней познакомились как соседи по автобусным сиденьям. Анна Георгиевна Матаева сказала, что любит вязать разноцветные половички, а на стене у неё висит большой ковёр, который она вышила за 100 дней ещё в молодые годы. И я пришла в гости.

ТЕТЮШИ УТОПАЛИ В ГЯЗИ...

– Родина моя – село Русские Кищаки – находится между Казанью и Ульяновском в 25-ти километрах от городка Тетюши. По легенде, там раньше грязь была такая, что свиньи тонули по уши. Увидел мальчонка и кричит: «Тятя, уши!» Отсюда название – Тетюши. Городок этот расположен на самом высоком правом берегу Волги. Чтобы от речной пристани подняться до Тетюш, надо пересчитать ногами 650 ступенек!

...А КИЩАКИ – В САДАХ

Родилась я в семье крестьянина-середняка. Отец по специальности был кузнецом, мама – рядовая колхозница. Жали серпом хлеб, на жизнь зарабатывали. А ещё село наше утопало в садах. Яблоки, вишни, сливы – крыш не видно было за цветущими деревьями! Поэтому кормились и от садов: ягоды-фрукты сушили, мочили и свежими продавали.

Детей в семье было тринадцать, но осталось нас три старших брата и подряд четыре сестры, остальные умерли в детстве. Я в семье была предпоследняя – с 1932 года.

ТРИ СЕСТРЫ

В селе была школа-семилетка, я успела окончить в ней четыре класса. Когда пошла в первый, началась война. Мне уже было полных восемь лет, и в этом возрасте я много чего знала и умела: читать, писать, считать. Родители были малограмотными, а учили меня братья и сёстры. Образование из всех детей в семье получили четверо: один из старших братьев до войны успел даже окончить Ленинградский индустриальный институт, а мы, три сестры, выучились на учителей младших классов в Тетюшском педучилище.

УШЛИ И НЕ ВЕРНУЛИСЬ

В 42-м году у нас умер отец – Егор Филиппович Савельев. Он был участником Первой мировой войны 1914 года. Тогда, он рассказывал, германцы травили их газами, в результате чего отец получил хроническую болезнь лёгких, и участвовать во Второй мировой ему не пришлось. Но на фронт ушли все его сыновья, мои братья. Младший Михаил 1924 года рождения вскоре был комиссован, потому что его забрали с большим сердцем. Но долго не протянул – умер дома, не дожив до конца войны. А старших два брата – Василий с одиннадцатого года и Пётр с семнадцатого – домой не вернулись.

В ВОЙНУ

Во время войны нам, детям, тоже приходилось много работать, помогая взрослым. Занимались прополкой, траву

серпом жали на сено. Только садами да хозяйством и выжили. У нас своя корова была, а как отец умер, на две семьи её стали держать. Потом, когда уже начали голодать, сменяли нашу половину коровы на зерно, чтобы выжить.

...А сады-то наши помёрзли в сорок первом! Как раз когда немец стоял под Москвой, ударили 40-градусные морозы, задеввшие и нас. По тем местам это очень много. Сейчас в Русских Кищаках новые сады насажены.

БЕЗ МАМЫ

В мае война окончилась, а в начале сентября умерла мама. Старшая сестра к этому времени уже получила образование и была направлена воспитателем в Кадышевский детский дом. Нас, двух младших сестёр девяти и двенадцати лет, определили туда же. Я в детдоме находилась три года, до окончания 7-го класса, а младшая сестрёнка семь лет там прожила. И потом мы с ней поочерёдно поступили в Тетюшское педучилище.

Нам, кто окончил педучилище с отличием, а таких было 5 процентов, можно было подавать документы в вузы вне конкурса. Так я стала студенткой отделения логики и психологии Казанского пединститута. Но вскоре в школах эти предметы отменили, и нас переквалифицировали на преподавателей русского языка и литературы.

Окончила институт в 1956 году, тоже с красным дипломом. Можно было бы и дальше учиться – в аспирантуре, но мы, 11 человек из выпуска, решили ехать добровольцами в Сибирь. Я получила распределение в среднюю школу села Большепесчанка Омской области. Там же познакомилась с будущим мужем – он демобилизовался после срочной службы в погранвойсках. Вскоре поженились. У мужа старший брат, участник войны, обосновался в Таштагольском районе, и сам он до армии в Спасске жил. Вот мы туда в 1965 году и переехали. И по сентябрь 1987 года отработала я здесь в школе № 13.

ШКОЛА

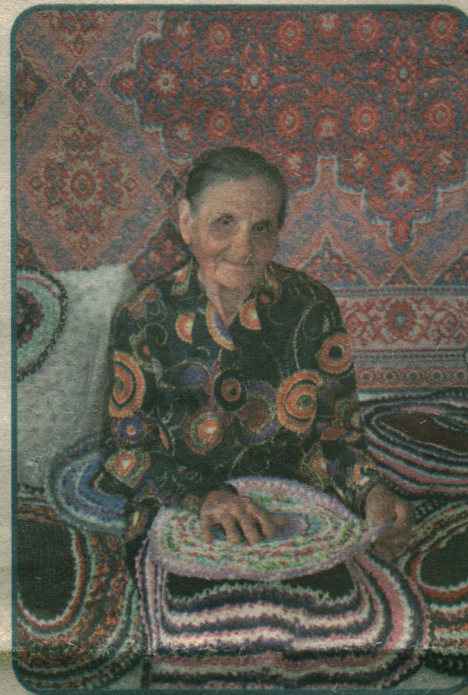
В школе тогда насчитывалось 650 учеников. Школа деревянная одноэтажная. А напротив – двухэтажный интернат, где обитало 120 детей, приехавших учиться из отдалённых точек района.

Особой методики какой-то у меня не было, просто передавала детям то, что знала и умела сама. Экстраординарной памятью, чтобы много декламировать во время урока наизусть, я, может, и не отличалась, но очень выразительно читала – и дети, и родители это отмечали. Все мои ученики успевали по моему предмету хорошо. Помню, из интерната один мальчонка пришёл – всё в тетрадке красно от исправленных ошибок. Позанималась с ним дополнительно (тогда мы часто оставались с детьми после уроков) – и он успевающим стал. С трудом верится, что и мне уже под девяносто, и все мои ученики давно бабушки и прабабушки...

БОЛЕЗНЬ

Школу пришлось оставить, не доработав до пенсии три с лишним месяца из-за болезни. Считаю, что чернобыльский след радиации дошёл до Сибири. Нас таких, наполовину парализованных, полная больница набралась в 1986 году. Я месяц не поднималась с кровати. Уже

не знала, как жить. И потом год работала с этой болью, никакое лечение не помогало. Еле-еле преодолевала ступеньки. Год так мучилась: отведу три своих урока, донесу до дома сумку с тетрадками и учебниками и ночь от боли вою, не знаю, куда деться.

ЕЁ СУДЬБА – СУДЬБА СТРАНЫ

Хочется просто поделиться своей судьбой со всеми. Всё, что было с Родиной – Советским Союзом, Россией – и в моей жизни, и в жизни близких нашло самое непосредственное отражение. Всё до последнего дня.

Коллективизация. Как уже упоминалось, отец был середняк. Когда колхозы организовывались, у них даже зерна не было – всё забирали.

Гонения на веру. Помню белокаменную церковь в барском саду на берегу Волги – она до сих пор жива, её разломать не смогли, как ни старались. Только купола да колокола сняли, а остов остался. Наверное, сейчас её восстановили, и она по-прежнему красуется там, среди аллей, – липовой и вишнёвой. Мама научила меня одной единственной молитве – «Богородице, Дево, радуйся...» Видно, в душе что-то у неё было. А от отца я никогда о Боге не слышала. Тогда ж на религию запрет был.

НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Рассматриваем с Антониной Георгиевной фотографии. Их много – муж был заядлым фотографом-любителем. Когда появились плёнки и реактивы для цветных фото, он одним из первых в посёлке занялся этим. Но в основном фотокарточки чёрно-белые. Есть и старинные:

– Вот снимок родителей перед Первой мировой. Отца совсем молодым взяли. И мама здесь молоденькая, одета, как казачка... Тогда один ребёнок был у них – мой старший брат. А вот и он сам... Нам никаких известий о нём не было с фронта. Когда закончилась война, кто-то из соседнего села вернулся и говорил, что они вместе попали в плен, там мой брат и умер. А вот второй брат, Пётр – «обмывает» с друзьями диплом. Это моя дочь – у меня одна дочь, двое вну-

ков и трое правнуков. Это зять. Встретились они в институте ещё абитуриентами и поженились семнадцатилетними. Через год родилась внучка. Зять, когда поженились, оставил институт, окончил в Таштаголе горный техникум. Поступил в милицию, был старшим участковым в Шерегеше, начальником вытрезвителя. А тут перестройка, лихие девяностые... И он, будучи уже капитаном, окончив высшую милицейскую школу, ушёл в бизнес, занялся лесом. Когда началась приватизация, он тоже в 1994 году подал документы на приватизацию квартиры, но не успел их оформить – убили его. Не хочется об этом вспоминать, тяжело... Молодые, им по 35 лет всего было, любили друг друга очень. А как убили его, покатила судьба моей доченьки и внуков под откос...

СЕРЬЁЗНЫЙ

УЛЫБЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

– А вот фото – это нас приглашали на торжество в честь Дня Победы, и я тогда сказала, что дети войны – не только те, у кого отцы погибли, но и те, которым выпало пережить эту страшную войну. Ведь работали-то наравне со взрослыми. И жили полуголодными. И не только во время войны, но и после. Как мы дома питались: из гнилой картошки стряпали, липовые листья, клевер, колоски собирали, в крупорушках мололи. Хлеба не видели, сколько было зерна – всё на фронт отправляли. В детдоме не лучше: хлеба вот столечко да несколько ложек жидкого супа. Обьедали нас, детей, кому только не лень. Даже персонал. Директора, в конце концов, посадили на три года – видно, дошло до руководства, как жили дети в этом детдоме. Любимым нашим лакомством тогда была (если удавалось раздобыть) печёная картошка, а в студенчестве – жареная. До сих пор люблю её! Получше стала жить, уже когда пошла работать.

– На всех фотокарточках у вас такая заразительная, красивая белозубая улыбка, будто вы самый благополучный и весёлый человек на свете! – замечаю я.

– На самом деле я очень серьёзный человек. Может, потому, что жизнь была тяжёлая? Хотя я и не ропщу на судьбу. Никогда не умела жить только для себя, и сейчас не умею – чем могу помогаю дочери и внукам.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

Показала мне Антонина Георгиевна и свои правительственные награды:

1) – Медаль «За трудовое отличие» – это Москва давала. 2) «За долголетний добросовестный труд» – в области вручали. Нас тогда по телевизору показывали, и в «Красной Шории» фотография была, – перекладывает она пожелтевшую газетную вырезку: «Ещё есть медаль в честь столетия Ленина».

Среди фотографий попала мне на глаза поздравительная открытка: «Дорогая Антонина Георгиевна! С юбилеем школы № 13! Низкий вам поклон за Ваш труд, за Ваши незабываемые уроки русского языка! С любовью и уважением, выпускники 1974 года 10а, 10б классов Н. Ануфриева, Н. Дубравина, М. Шульмина, В. Летягин».

...Да, всё же высшая награда для каждого учителя – признательность учеников.

Записала Ольга ВОЛОДИНА